

Информационно-психологические операции – элемент гибридной войны

Джомарт АЛИЕВ

Информационная эпоха повлияла и на характер межгосударственного противоборства. Информационное пространство стало рассматриваться как самостоятельное поле битвы, что превратило его в серьёзную угрозу безопасности государства. С помощью информационного воздействия любое государство может осуществлять агрессивные действия без применения военной силы, целью которого является не разрушение государства-противника, а дестабилизация обстановки в нём как в целом, так и в отдельных составляющих.

Основным инструментом информационного воздействия на государство является технология изменения его имиджа или имиджа его руководителя, побуждая этим внутренние оппозиционные силы к изменению существующего политического режима. Такого рода информационное воздействие носит исключительно политический характер, а конечный результат предполагает смену лидера или вектора развития страны.

Здесь необходимо отметить, что международное сообщество до настоящего времени ещё не выработало соответствующего механизма правового регулирования и контроля государственной и межгосударственной информационной безопасности от такого рода агрессии. Нормативно-правовой вакуум породил специфическую форму информационного противоборства – информационную войну. В информационном противостоянии, государства изначально поставлены в разные условия, при которых те из них, что обла-

---

АЛИЕВ Джомарт Фазылович – кандидат экономических наук, заведующий кафедрой методов и технологий современной пропаганды и контрпропаганды, первый проректор ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет». *E-mail:* AlievDF@rgsu.net

Ключевые слова: гибридная война, психологическая война, информационная война.

дают большим информационным ресурсом, имеют практически безграничные возможности дестабилизации жизнедеятельности тех государств, которые таким уровнем ресурсного обеспечения не обладают.

Современное технологическое развитие выступает основным средством эффективного информационного воздействия в отношении практически любого государства. Средства массовой информации обладают практически безграничными возможностями распространения своего влияния на максимально большую аудиторию.

Одновременно с этим идёт интенсивное развитие социальных сетей, что позволяет ускорять процесс генерирования необходимой информации. Этот вид информационного воздействия существенно выигрывает по сравнению с обычными СМИ из-за наличия некоей иллюзии обратной связи «с людьми со всего мира». Такого рода коммуникация создаёт представление об «открытости» западного общества, где формируется представление об отсутствии цензуры. При этом полностью игнорируется то обстоятельство, что в большинстве западных государств существует фильтрация конкретных информационных ресурсов и их содержания. В этой связи возникает ещё одно направление, связанное с таким явлением, как фильтрация, которая в данном контексте должна рассматриваться субъективно, на индивидуальном уровне конкретного потребителя информации. Её отсутствие делает человека достаточно уязвимым для качественной оценки получаемой информации. Некритичность индивида в этом вопросе позволяет информационному субъекту добиваться нужного эффекта. Содержательная составляющая такой информационной среды позволяет различным акторам манипулировать восприятием индивида для достижения заданных целей.

Подобный эффект не мог остаться без внимания соответствующих государственных структур, созданных для решения задач по борьбе с деятельностью недружественных стран. В недрах специальных служб и Министерства обороны разрабатывались определённого рода стратегические планы, в которых в качестве одного из средств борьбы с государством-противником могло быть использовано и информационное оружие, которое с успехом опробовали западные державы во главе с США в отношении Советского Союза. Результатом стало его разрушение, рассматриваемое современной историографией как поражение в холодной войне [1].

Как следствие, в лексикон военных и представителей специальных служб вошли такие понятия, как «информационная» [2] и «информационно-психологическая» [33] операция.

Современные модели информационных технологий достигли такого совершенства, что с успе-

хом могут применяться в информационно-психологических операциях в отношении государства-про-

¹ Пальцев А.И. Глобальные последствия поражения СССР в «Холодной войне» // Власть. 2013. № 9.

² Тертеров Г. Информационные операции: история и современность // 21-й век. 2015. № 3.

³ Пальцев П.И. Информационно-психологические операции // Сибирский международный. 2012. № 14.

тивника. Такого рода операции, согласно современной концепции ведения гибридной войны, позволяют государству-агрессору достигать планируемого результата с минимальными ресурсными затратами [4]. Специалисты выделяют четыре основные модели информационно-психологических операций:

1. Модель *обдуманного действия* или *обоснованного поведения* была впервые сформулирована специалистами Массачусетского университета М. Фишбейном и А. Айсеком, которые при исследовании соотношения намерений и конкретного поведения человека пришли к заключению, что при принятии решения в выборе какого-либо определённого действия индивид опирается на три ключевых фактора:

- собственные установки, определяющие допустимость того или иного поведения;

- характер восприятия качественной оценки его поведения со стороны окружающих;

- понимание степени субъективного контроля за своим поведением [5].

При наличии всех трёх факторов важное значение приобретает осознание индивидом того, что его поведение и субъективные установки могут оцениваться как «общественно-приемлемые» (допустимые с точки зрения общепринятых в обществе социальных императивов).

В этом случае различные акторы могут оказывать определённое влияние на человека с целью моделирования его поведения.

2. *Сознательная обработка информации* индивидом, по мнению американских исследователей Р. Петти и Дж. Качиоппо, определяет вероятностную модель поведения на основании центрального или периферийного убеждения.

Центральное убеждение из-за высокой значимости для индивида воздействует максимум умственных ресурсов, а периферийное убеждение носит фрагментарный характер из-за своей зависимости от эмоциональных факторов [6].

Данная теория предполагает, что в процессе коммуникации индивид, как правило, сталкивается с какой-либо интеракцией и в зависимости от её характера варьируется и нагрузка на уровень мыслительной деятельности.

На эту закономерность обратил внимание ещё П. Сорокин, утверждая, что «чем выше уровень интеракции, тем значительнее нагрузка на мыслительную деятельность» [7].

По утверждению Р. Петти и Дж. Качиоппо, «степень сложности мышления, используемая в контексте субъективного убеждения, носит определяющий характер последующих результирующих отношений». Отсюда и представление о том, что индивидуальные установ-

⁴ Гриняев С.Н. Поле битвы – киберпространство Теория, приёмы, средства, методы и системы ведения информационной войны. М., 2004.

⁵ Fishbein M., Ajzen I. Belief, attitude, intention, and behavior: an introduction to theory and research. MA: Publisher Reading Addison-Wesley Pub. Co, 1975.

⁶ Petty R., Cacioppo J. Communication and persuasion: Central and peripheral routes to attitude change. N.Y.: Springer-Verlag, Notrow, 1986.

⁷ Цит. по: Согомонов А.Ю. Забытая рукопись Питирима Сорокина // Социологические исследования. 1988. № 4.

ки личности, детерминируемые высоким уровнем мыслительной деятельности, будут носить характер сохраняющейся в течение длительного времени тенденции. Она позволит индивиду сопротивляться иным побудительным мотивам, рефлексировавшим на «примитивные» («периферийные») факторы [6].

3. *Матричная модель убеждения*, разработанная специалистом из США У. Макгуайром, предполагает, что убеждения необходимо рассматривать в качестве длящегося процесса, имеющего несколько самостоятельных этапов. Они имеют иерархичную структуру, где каждый последующий этап основывается на предыдущем. У. Макгуайр подходил к рассмотрению убеждения с позиции его эффективности посредством так называемых входных и выходных переменных. Так, «входные переменные» он представлял в виде источника информации (канала или контекста сообщения), формируемого определёнными акторами, основной задачей которых является контроль за медиапространством. Он умышленно упускал из виду обсуждение вопроса, связанного с принадлежностью таких акторов. Но учитывая специфику информационно-психологических операций, которые осуществляют Соединённые Штаты в отношении недружественных стран, можно предположить, что это спецслужбы.

Что же касается второго элемента убеждения – «выходных переменных», то к ним относится то воздействие информации на индивида, которое определяется его вниманием

и интересом к ней (осмысление как некоего нового приобретённого знания), что:

- создаёт эффект доверия к получаемой информации и приводит к трансформации субъективных жизненных установок человека;

- при последующем возвращении к полученной ранее информации приводит к принятию сознательного (по мнению индивида) решению действовать в соответствии новым установкам;

- любые последующие действия должны согласовываться только с этим решением;

- даёт усиление новым поведенческим стереотипам и закрепление новых установок в сознании индивида [8].

4. *Модель автоматической активации*, основоположником которой является американский психолог Р. Фацио, принято рассматривать как одну из самых эффективных технологий ведения информационно-психологической войны. Основная идея модели заключается в том, что актору необходимо активизировать определённые социальные установки индивида, побуждающие его к соответствующим действиям (согласно модели поведения). Главным здесь является то, что поведение индивида основано на «бессознательных связях и установках», которые не всегда являются рациональными. Это позволило Р. Фацио высказать предположение, что социально-коммуникативные взаимосвязи между субъектами формируются на основе их памяти о тех или иных явлениях и процессах, высту-

⁸ McGuire W.J. Input and Output Variables Currently Promising for Constructing Persuasive Communications. CA: Sage, 2001.

пая тем самым объектом их отношения и оценки, которые имеют довольно устойчивое влияние на сознание индивида. Поэтому, для того чтобы повлиять на восприятие и последующее поведение индивида в нужном направлении, необходимо активировать в его памяти нужные субъекту «отношения и оценки» [9].

Все приведённые модели принято рассматривать как рабочие в перечне тех технологий, которые используется в гибридных войнах. Причём большинство авторов отмечают, что они могут применяться как самостоятельно, так и в различной совокупности (конфигурации) с другими моделями.

Основной целью любых типов неконвенциональных войн является создание в государстве, подвергшемся информационно-психологическим ударам, создание политической и экономической нестабильности [10]. Такого рода результат получил в специальной литературе наименование – «технология управляемого хаоса» [11].

Государство-агрессор в конечном итоге приводит к власти лояльное себе правительство или группу [12].

Наиболее масштабно технологии информационно-психологиче-

ского воздействия применялись во время так называемых цветных революций, представляющих собой специальные технологии по осуществлению государственных переворотов в интересах третьих стран, которые в условиях искусственно создаваемой ситуации политической нестабильности получают возможность привести к власти нужные им политические силы. Из-за некритичности мышления основной движущей силой в данном случае выступает, как правило, молодёжь.

Наиболее ярко это проявилось в Украине в 2014 г. Тогда условная оппозиция использовала молодёжный протест как форму политического шантажа для давления на власть.

Аналогичные процессы, которые происходили в других странах, показывают, что «цветная революция» может рассматриваться лишь как начальный этап гибридной войны, который условно мог бы именоваться как ненасильственный. В то же время ему предшествует длительный подготовительный период, который включает в себя связанные единым планом (целью) информационно-психологические операции. Как правило, он завершается горячей фазой – в

⁹ *Fazio R.H.* Multiple processes by which attitudes guide behavior: The MODE model as integrative framework / Ed. M. Zanna. *Advances in experimental social psychology*. N.Y.: Academic Press, 1990.

¹⁰ *Уваров И.А.* Информационная составляющая гибридных войн // Политконсультант. 2021. Т. 1. № 3 // URL: <https://politicjournal.ru/PDF/06PK321.pdf>

¹¹ *Журавлев В.В., Сивинцева О.В.* Управляемый хаос, устойчивое развитие и информационные технологии // Цифровая экономика и информационные технологии. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Челябинск, 18–19 апреля 2023 г. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2023.

¹² *Васильев М.В.* Технология «цветных революций» // Революция и современность. Материалы научно-практической конференции. Владимир, 3 марта 2017 г. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2017.

виде гражданской войны, где классическим примером являются Сирия [13] и Украина [14].

Говоря об информационно-психологических технологиях в гибридной войне, нельзя обойти вниманием то значение, какое в этой связи приобретает Интернет, который используют как площадку для агитации и пропаганды идей, выступающих движущей силой, направленной на разрушение государства.

По мнению канадского специалиста Р. Клоу, именно Интернет стал основным средством крушения режимов в Северной Африке и на Ближнем Востоке [15]. Его возможности являются определяющими для проведения информационно-психологических операций в гибридной войне.

Разработки в области социальной и поведенческой психологии активно используются для формирования содержания новостной повестки, а также в интеллектуальной и культурной сферах. Социально-политические представления населения, которые ранее строились на принципах определённых традиций или общепринятых нормах, под воздействием научно разработанных технологий социально-психологических операций приобретают совершенно иные, деструктивные, формы.

Побудительные мотивы большой массы людей трудно поддаются системному анализу в силу их спон-

танности и (или) логической неопределённости с точки зрения здравого смысла. Современные методы, используемые социальной и поведенческой психологией, не предполагают построения сложной системы убеждения на основе качественных аргументов. Напротив, информационный поток формируется на основе нерациональных методов убеждения, где бессознательные поведенческие стереотипы приобретают системный (закономерный) характер.

Интернет как информационная площадка усилил те психологические формы воздействия на индивида, которые изменили характер современной гибридной войны: они её вооружили мощным психологическим оружием. Теперь используемые повсеместно алгоритмы оказывают влияние на результаты поисковых запросов в сети. Информационные сообщения и новости, которые получает индивид в социальных сетях, могут существенно менять не только качество информации, но и его морально-психологическое состояние под её воздействием. Дезинформирование стало всё чаще носить системный характер. Об этом, в частности, заявил американский военный специалист Д. Мур на 10-й Международной конференции НАТО по киберконфликтам, отметив, что благодаря достижениям социальной науки существует довольно работоспособный механизм введения в заблуждение больших масс людей, ко-

¹³ Горячев А.И. Феномен «гибридной войны» в сирийском контексте // Военный академический журнал. 2018. № 2.

¹⁴ Котляр В.С. К вопросу о «гибридной войне» и о том, кто же её ведёт на Украине // Международная жизнь. 2015. № 8.

¹⁵ Clow R. Psychological Operations: The Need to Understand the Psychological Plane of War // Canadian Military Journal. 2008. Vol. 9. № 1.

гда информация, подаваемая в определённом ракурсе, способна влиять не только на отношение людей к событию, но и кардинально изменять их поведение. Его исследования показывают, что «ложные сообщения в 70% случаев распространяются гораздо успешнее, чем правдивые, что серьёзно влияет на охват аудитории и дальнейшие попытки их опровергнуть, даже при наличии более весомых аргументов» [16].

В современных условиях для большинства государств противодействие информационно-психологическим операциям становится одной из приоритетных задач. К сожалению, созданные ранее методы противодействия враждебной пропаганде теряют свою актуальность и эффективность. Поэтому можно с полной уверенностью сказать, что на сегодняшний день отсутствует правильная или лучшая методика, способная изменить эту ситуацию.

Однако не следует утверждать, что существующие методы должны исключаться из допустимых средств противодействия информационно-психологическим операциям. Для их успешного применения необходимо проводить анализ всего массива возможных моделей и технологий, используемых государством-агрессором в информационном противоборстве. Чтобы организовать «оборонительную стратегию», необходимо решить две важные задачи:

– овладеть глубокими знаниями о целевой аудитории (её культурных и этно-социальных особенностях);

– понять возможность политических, социальных и религиозных последствий их применения [17].

В современных условиях пропагандистский и контрпропагандистский анализ необходимо рассматривать как основную задачу для любого актора гибридной войны. Контрпропаганда в отражении информационно-психологических операций должна носить долгосрочный характер, что позволяет снижать влияние применяемой государством-агрессором силы. Определение и планирование частных задач контрпропаганды должно строиться на принципах, во-первых, превосходящего ответа на действия противника и, во-вторых, на стремлении завоевать инициативу в информационно-психологическом противоборстве.

На сегодняшний день технологии проведения различного рода информационно-психологических операций достигли такого высокого уровня, что даёт им возможность вести гибридную войну с высокой степенью эффективности. Причём, как показывает опыт последнего десятилетия, максимальный успех достигается без применения вооружённых сил [18].

Такого рода прецеденты являются весьма опасными, так как несут в себе угрозу для существующей системы международной безопасности. Отсутствие какого-либо надгосудар-

¹⁶ Moore D. Targeting technology: Mapping military offensive network operations // 10th International Conference on Cyber Conflict (Tallinn, 29 May – 01 June 2018). Tallinn, 2018.

¹⁷ Алиев Д. Ф., Тафинцев Д. В. Гибридная война. Курс лекций. М.: Изд-во РГСУ, 2022.

¹⁸ Манойло А. В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов // *ВНБ: Международные отношения*. 2015. № 1.

ственного контроля со стороны международного сообщества приводит к нерегулируемому международным правом применению информационно-психологических операций. Очевидно, что их разрушительный характер, особенно в мирное время, должен рассматриваться как факт вмешательства во внутренние дела суверенного государства. Посягательство на государственный суверенитет с позиции международно-правовых отношений выступает своеобразной формой создания ситуации нестабильности в разных регионах мира.

«Важным фактором является диджитализация по всему миру, что дает возможность, проводя информационную операцию, задействовать все больше акторов, вовлекая их посредством Интернета» [19].

Сформировавшаяся в конце XX в. концепция информационно-психологических операций как одного из технологических средств гибридной войны постоянно изменяется. Операции по дезорганизации противоборствующей стороны переместились в киберпространство и последовательно были интегрированы в современные модели информационного и психологического воздействия. Это довольно серьёзно транс-

формировало в сознании населения значение информации, получаемой от государственных средств массовой информации, которые постепенно стали утрачивать возложенную на них государством функцию по поддержанию связи власти и обществу.

«Быстрое развитие передовых технологий, появление новых форм коммуникации привело к тому, что информационная война стала неотъемлемой частью окружающей действительности» [19].

Стоит согласиться с мнением тех авторов, которые убедительно доказывают, что современные информационные средства коммуникации могут рассматриваться как самостоятельный инструмент в реализации международной политики высокотехнологических государств [10, 20, 21]. Учитывая их высокую эффективность в совокупности с современными технологиями, такие государства могут ставить перед собой любые цели, обусловливаемые гибридной войной.

Отсутствие качественной научно обоснованной информации о природе гибридной войны создаёт определенные риски в недооценке её последствий [22]. Информационно-психо-

¹⁹ Пучков В.М. Аспекты исследования информационно-психологических операций как составляющей современной гибридной войны // Русская политология. 2019. № 3.

²⁰ Гришанин Н.В., Низовцева Н.Ф. Гибридная война как коммуникация: лидерство и информация // Электронные средства массовой информации: вчера, сегодня, завтра. Материалы X Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 8 апреля 2016 г. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2016.

²¹ Мишенев С.О. Гибридная война и её информационная составляющая // Первая ступень в науке. Сборник трудов по результатам работы V Международной научно-практической студенческой конференции. Вологда-Молочное, 13–16 мая 2017 г. Вологда: Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина, 2017. Ч. 2. С. 256–258.

²² Алиев Д.Ф. Риски в гибридной войне или принцип пяти «НЕ» // Политконсультант. 2021. Т. 1. № 4 // URL: <https://politicjournal.ru/PDF/o9PK421.pdf>

логические операции могут существенно повлиять на возможности государства-агрессора по ощутимому осложнению социально-политической обстановки как в конкретном государстве, так и в регионе в целом. Новейшая мировая история богата примерами таких последствий – от гуманитарных катастроф до горячей фазы – гражданской войны.

Так называемая большая стратегия, которую принято связывать с осуществлением гибридных войн, характеризуется высокой степенью вариативности, что позволяет акторам усиливать её эффект за счёт сочетания различных средств [23]. Это позволяет государству-агрессору наносить удары в самые уязвимые точки – ценности и социально-политические предпочтения целевой аудитории государства-противника [24].

Современные технологии разрешения межгосударственных противоречий напрямую связаны с онлайн-активностью жителей этих государственных образований. Именно

поэтому при проведении информационно-психологических операций применяется различный набор технологических приёмов – от кибератак до банальной утечки данных, влияющих на уровень государственной безопасности страны. Отсюда не лишённые основания утверждения отдельных исследователей о том, что тактика гибридной войны становится закономерным продолжением государственной политики ведущих мировых держав [25]. Именно «ведущих», так как только они могут обладать всем необходимым арсеналом для осуществления воздействия такого рода. Здесь важным является следующее: если раньше существовали определённые моральные и этические нормы, устанавливавшие границы допустимого в таком противоборстве (применяемых средств), то с изменением технологических возможностей они размываются. Это приводит к снижению уровня ответственности государств как субъектов международно-правовых отношений.

В современной ситуации перманентного гибридного межгосударственного противостояния важно понимать, что информационно-психологические операции, используемые в таких конфликтах, будут только совершенствоваться. Поэтому любое государство, которое потенциально может стать участником гибридного конфликта, должно осуществлять постоянный мониторинг их применения в мире. Только наличие такой информации позволит любому потенциальному государству-мишеню выявить наличие у себя уязвимых мест и разработать необходимые алгоритмы защиты.

²³ Уваров И.А. Большая стратегия в гибридной войне // Устойчивое развитие: вызовы и перспективы. Сборник материалов II Международного форума (20 апреля 2023 г.). Ставрополь: Параграф, 2023.

²⁴ Алиев Д.Ф. Трансформация политической идентичности как элемент стратегии «гибридной войны» // Политические институты и процессы в России в условиях современной международно-политической напряжённости. Сборник материалов Научно-практической конференции Донецкого регионального отделения Российской ассоциации политической науки ко Дню политолога в Донецком государственном университете, 12 сентября 2023 г., г. Донецк / под ред. О.В. Оношко, Е.В. Кузнецовой, Е.В. Рябины. Донецк: Донецкий государственный университет, 2023.

²⁵ Соколова А.А., Соколова С.Н. Информационная безопасность в эпоху гибридных войн // Sciences of Europe. 2020. № 58-1(58).

Правильное понимание значения в современных условиях информационно-психологических операций может быть определённой гарантией безопасности и отдельных государств, и целых регионов. Вариативность имеет значение не только для государства-агрессора, но и для государства-мишени в его независимой международной политике.

Информационно-психологические операции заняли своё место в системе инструментов разрешения межгосударственных противоречий в международной политике. И если в начале XX в. противоборствующие стороны делали лишь отдельные попытки в этом направлении, то на современном этапе развития НТП они сумели стать весьма важным инструментом реализации политики наиболее развитых государств. Усиливая свою эффективность за счёт кибервозможностей, субъекты международных отношений стали активно использовать их и в современной гибридной войне. Поэтому информационно-психологические операции являются одной из главных составляющих гибридной войны. Кроме того, её можно рассматривать и как самостоятельное явление современной политологии – феномен XXI в., поскольку это существенно расширяет количество участвующих в ней акторов. В прикладном аспекте для наиболее эффективного использования информационно-психологических операций требуется довольно высокий уровень теоретической базы, которая невозможна без соответствующих научных исследований.

Если говорить о значении информационно-психологических операций, осуществляемых в отношении нашей страны, то можно констатировать, что все необходимые ресурсы для противодействия этому у нас есть, а разработка наиболее перспективных направлений в этой области носит очевидный характер.

Библиография • References

- Горячев А.И. Феномен «гибридной войны» в сирийском контексте // Военный академический журнал. 2018. № 2. С. 28–36.
- [Goryachev A.I. Fenomen «gibridnoj vojny» v sirijskom kontekste // Voennyj akademicheskij zhurnal. 2018. № 2. S. 28–36]
- Гриняев С.Н. Поле битвы – киберпространство Теория, приёмы, средства, методы и системы ведения информационной войны. М., 2004. – 426 с.
- [Grinyaev S.N. Pole bitvy – kiberprostranstvo Teoriya, priyomy, sredstva, metody i sistemy vedeniya informacionnoj vojny. M., 2004. – 426 s.]
- Котляр В.С. К вопросу о «гибридной войне» и о том, кто же её ведёт на Украине // Международная жизнь. 2015. № 8. С. 57–72.
- [Kotlyar V.S. K voprosu o «gibridnoj vojne» i o tom, kto zhe eyo vedyot na Ukraine // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2015. № 8. S. 57–72]
- Манойло А.В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов // NB: Международные отношения. 2015. № 1. С. 1–19.
- [Manojlo A.V. Cvetnye revolyucii i tekhnologii demontazha politicheskikh rezhimov // NB: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2015. № 1. S. 1–19]

- Пальцев А.И.* Глобальные последствия поражения СССР в «Холодной войне» // Власть. 2013. № 9. С. 189–191.
- [*Pal'cev A.I.* Global'nye posledstviya porazheniya SSSR v «Holodnoj vojne» // Vlast'. 2013. № 9. S. 189–191]
- Пальцев П.И.* Информационно-психологические операции // Сибирский международный. 2012. № 14. С. 85–93.
- [*Pal'cev P.I.* Informacionno-psihologicheskie operacii // Sibirskij mezhdunarodnyj. 2012. № 14. S. 85–93]
- Пучков В.М.* Аспекты исследования информационно-психологических операций как составляющей современной гибридной войны // Русская политология. 2019. № 3. С. 80–86.
- [*Puchkov V.M.* Aspekty issledovaniya informacionno-psihologicheskikh operacij kak sostavlyayushchej sovremennoj gibridnoj vojny // Russkaya politologiya. 2019. № 3. S. 80–86]
- Соколова А.А., Соколова С.Н.* Информационная безопасность в эпоху гибридных войн // Sciences of Europe. 2020. № 58-1(58). С. 66–69.
- [*Sokolova A.A., Sokolova S.N.* Informacionnaya bezopasnost' v epohu gibridnyh vojn // Sciences of Europe. 2020. № 58-1(58). S. 66–69]
- Тертеров Г.* Информационные операции: история и современность // 21-й век. 2015. № 3. С. 40–49.
- [*Terterov G.* Informacionnye operacii: istoriya i sovremennost' // 21-j vek. 2015. № 3. S. 40–49]
- Уваров И.А.* Информационная составляющая гибридных войн // Политконсультант. 2021. Т. 1. № 3 // URL: <https://politicjournal.ru/PDF/06PK321.pdf>
- [*Uvarov I.A.* Informacionnaya sostavlyayushchaya gibridnyh vojn // Politkonsul'tant. 2021. Т. 1. № 3 // URL: <https://politicjournal.ru/PDF/06PK321.pdf>]
- Clow R.* Psychological Operations: The Need to Understand the Psychological Plane of War // Canadian Military Journal. 2008. Vol. 9. № 1. P. 21–29.
- Fazio R.H.* Multiple processes by which attitudes guide behavior: The MODE model as integrative framework / Ed. M. Zanna. Advances in experimental social psychology. N.Y.: Academic Press, 1990. P. 75–109.
- Fishbein M., Ajzen I.* Belief, attitude, intention, and behavior: an introduction to theory and research. MA: Publisher Reading Addison-Wesley Pub. Co, 1975. – 578 p.
- McGuire W.J.* Input and Output Variables Currently Promising for Constructing Persuasive Communications. CA: Sage, 2001. P. 22–48.
- Moore D.* Targeting technology: Mapping military offensive network operations // 10th International Conference on Cyber Conflict (Tallinn, 29 May – 01 June 2018). Tallinn, 2018. P. 89–108.
- Petty R., Cacioppo J.* Communication and persuasion: Central and peripheral routes to attitude change. N.Y.: Springer-Verlag. Notrow, 1986. – 262 p.

Статья поступила в редакцию 20 июня 2024 г.